

КОНКУРСНАЯ РАБОТА

Субъект Российской Федерации:

г. Санкт-Петербург

Город (населенный пункт):

г. Санкт-Петербург

Полное название образовательной организации:

ГБОУ СОШ №318 с углублённым изучением итальянского языка

Участник конкурса:

Коно

Греты

Класс, курс обучения участника:

5-А

Тема сочинения:

Блокадный дневник моей прабабушки

Жанр сочинения:

Дневник

СОЧИНЕНИЕ

Вместо предисловия

15 января 2020 года

Обычный январский вечер, на улице пасмурная погода, маленькая питерская квартира. Напротив меня за кухонным столом сидит пожилая женщина. Очень пожилая. И всё же невозможно до конца осознать тот факт, что ей уже исполнилось 100 лет! Это моя прабабушка — *Строгонова Надежда Васильевна*, которая родилась в далёком 1920 году в небольшом городке Новгородской области с необычным названием Холм.

— Бабуля, расскажи мне о своей жизни, — прошу я её. — Где ты училась? Как пережила страшные годы войны?

— Ох, не люблю я вспоминать это время... Но ты, моя девочка, должна знать, как страшна война... как меняются люди в нечеловеческих условиях блокады...

Молчит. И я молчу, не тороплю её.

— Да... ты должна сама знать об этом страшном времени и передать эти знания своим детям... — продолжает своим мягким, тихим и совсем молодым голосом. — Надо, чтобы все помнили... чтобы никогда не допустили повторения войны...

И вот рассказ о страшных днях войны и блокады Ленинграда начался. Я включила диктофон, потому что боялась хоть что-то из этого повествования упустить. Бабушка Надя (мне трудно называть её прабабушкой) рассказывала короткие истории из своей биографии. Она перескакивала с одного года на другой. Называла какие-то конкретные даты, перечисляла имена. А мне всё казалось, что я слушаю страницы какого-то дневника. Мне казалось, что я уже где-то подобные истории слышала... или читала... Вспомнила! «Блокадная книга»! Конечно! Нам читали на уроке отрывки из этой книги воспоминаний жителей блокадного Ленинграда. Что же получается, я слушаю новые страницы

этой страшной книги. Значит, и в моей семье есть своя — **живая!** — **Блокадная книга**. И тогда я решила всё записать.

Всё, что я слышала в этот вечер из уст бабушки Нади, всё, что я записала за ней, я с помощью мамы расположила в хронологическом порядке. И вот, что у нас получилось.

Блокадный дневник моей прабабушки (или Великая Отечественная война в истории моей семьи)

1924 год

Мне было 4 года, когда не стало отца. Он погиб. Мама осталась одна. Точнее одна из родителей. Нас, детей, у неё было восемь! Меня, двух моих братьев и трёх сестёр временно отдали в детский дом.

1934 год

В возрасте 14 лет я поступила в профессиональное училище, хотела стать бухгалтером. Училась я отлично, окончила училище с золотой медалью и сразу после окончания уехала в город Брянск, к своей старшей сестре, там начала работать по специальности.

1940 год

Через год после начала работы меня отправили в Ленинград на курсы повышение квалификации. Я тогда сразу влюбилась в этот город и приняла решение остаться в Ленинграде, чтобы закончить курсы и поступить в педагогический институт. Это была моя судьба. Проблема была только в том, что обучение в вузах стало в это время платным. Денег на учёбу у меня не было. Через общих знакомых я узнала об освободившемся месте секретаря школы №173. Приближался сентябрь, и я согласилась. А 1 сентября судьба преподнесла мне ещё один подарок: учительница первого класса этой сломала ногу, и директор школы попросил меня просто посидеть пока с детьми, чтобы в классе была тишина. Но я, мечтавшая стать учителем, начала вести урок... Директор решил узнать, как у меня дела, и остановился у двери класса... Когда прозвенел звонок, он сказал мне, что я рождена быть учителем. Так я стала работать учителем начальных классов в школе №173 на 5-ой Советской улице.

Июнь 1941 год

27 июня директора школы Михаила Александровича призвали в армию и меня... поставили его замещать.

19 сентября 1941 года

Однажды осенью было совершено прямое попадание бомбы в госпиталь на Суворовском, 65. Это был один из самых больших госпиталей в блокадном Ленинграде. Я видела эту ужасную картину: люди прыгали в окна в надежде сохранить свои жизни, но погибали. Было слышно, как они кричали, стонали, просили о помощи, но многим было уже не помочь. В этот день погибло очень много больных и раненых.

Декабрь 1941 года

Конец 41 года был самым тяжелым. Начался голод. В магазинах было пусто. По продуктовым карточкам каждый житель города мог получить всего 125 граммов хлеба в день. Только рабочие на заводах получали немного больше паёк. Странно поначалу было видеть, как у голодных детей начинали округляться животики, — мои ученики буквально пухли от голода.

В это время поползли первые слухи о каннибализме... Люди сходили с ума от голода. Они готовы были съесть всё, что хоть как-то напоминало вкус еды... Они готовы были съесть всё, что ползало, летало, двигалось. Любое насекомое, любую пташку, любое животное: и кошку, и мышку, и крысу... и человека. Тяжелее в моей жизни не было периода... То и дело знакомые и коллеги рассказывали страшные истории.

У одной моей подруги дети играли на улице в прятки, и самая пухленькая из трёх дочерей пропала в этот день без вести. Подруга решила, что ее похитили, чтобы съесть.

У другой моей коллеги были весьма странные соседи (муж и жена пожилого возраста), которые убегали из квартиры, когда та уходила в ванную комнату. И только после окончания войны у них нашли таз с человеческими костями. Выяснилось, что, когда моя подруга, нагрев воды, уходила в ванную мыться, они

приносили в свою комнату всё, что могли «добыть» на улице, убивали, резали, ели.

Прямые, как лучи, красивые улицы моего любимого города трудно было узнать. Она стали безлюдными, серыми, страшными, от них веяло смертью. Десятки людей каждый день умирали прямо на этих улицах. Специальным машинам приходилось каждое утро ездить по городу и собирать трупы людей — стариков и детей, мужчин и женщин.

6 января 1942 года

Пришёл приказ подготовить здание нашей школы к открытию детского дома. Для этого требовалось оборудовать школу кроватями, постельным бельем, посудой. Новым директором будущего детского дома стал опытный педагог по имени *Строгонов Александр Федорович*. Чтобы подготовить детский дом к приёму детей, требовалась большая физическая подготовка, которой ни у кого из нас, конечно, не было. Я и мои коллеги ходили по разным районам города и собирали все необходимое в брошенных или разрушенных квартирах.

Через некоторое время после этих «прогулок» у меня на ноге появилась гноящаяся рана — признак цинги. Я больше не могла работать и подала заявление об увольнении, на что мне сказали: "Надежда, каждому из нас сейчас очень тяжело, но мы должны помочь тем бездомным детям, которым еще хуже. Когда детский дом откроется мы будем питаться вместе с детьми и тебе станет лучше". Я не могла отказать, поэтому продолжила работу.

19 января 1942 года

Это памятный день. Детский дом был полностью готов к приему детей. И, действительно, 219 бездомных детей обрели в нашей школе свой дом. Из этих 219 малышей только одна пятая могла самостоятельно спускаться по лестнице в столовую, остальных кормили прямо в кроватках. Детей сначала отмывали в корытах. (Водопроводы, конечно, тогда не работали, поэтому нам приходилось возить воду из рек и каналов в бидонах на санях). Искупав малышей, мы сами коротко стригли им ножницами волосы, закутывали в простыни и относили в кроватки.

Некоторые из наших подопечных выжили и окрепли, а некоторых просто уже невозможно было поставить на ноги, они умерли... Их маленькие трупки зашивали в простыни и относили на кладбище или в машины, которые собирали трупы. За время работы детского дома мы поставили на ноги 625 детей...

22 февраля 1942 года

В этот день накануне Дня советской армии — 23 Февраля — было решено поднять настроение детям. Директор Александр Федорович решил пригласить в детский дом артиста. А сам за одну ночь написал целую поэму о своих подопечных детдомовцах. Он рассказал об их проказах и привычках, написал их имена и отдал их артисту. Дети были очень удивлены. Все задавались вопросом: "Откуда этот артист всё знает про меня?" Впервые за все время пребывания в детском доме у наших детишек засверкали глаза, появились улыбки на бледных губах.

24 февраля 1942 года

На следующий день наш директор объявил день самообслуживания. Воспитателей в этот день не было, вместо них были дети. Они выполняли работу библиотекаря, физрука и даже помощника повара. Надо было видеть, с какой ответственностью они это делали, как они ожили! Обстановка в детдоме с этого дня сильно изменилась.

За полгода работы детского дома мы трижды эвакуировали окрепших детей по «Дороге жизни» на Большую Землю.

После эвакуации детдомовцев на материк мы снова получили приказ переоборудовать помещение детского дома под школу. На всё про всё нам дали всего 4 дня. Кроме того, детей-учеников нужно было собирать по всему району. Снова надо было пережить большую физическую нагрузку, но мы справились.

1 сентября 1942 года

В этот день, в 9 часов утра, прозвенел первый школьный звонок. 1-ый урок во всех классах был посвящён беседе о том, как надо вести себя во время воздушной тревоги. Мы тренировали ребят быстро (за 2-3 минуты!) спускаться в бомбоубежище. Всю школу приходилось отапливать дровами, которые ученики

сами и добывали с разрушенных рынков и зданий, пилили и таскали их. Здание отапливали ночью, чтобы ученики могли писать хотя бы без перчаток, а так они сидели за партами в пальто и шапках.

16 апреля 1942 года

В 11 часов началась «воздушная тревога», дети моментально спустились в бомбоубежище, но тревога долго не заканчивалась. Разрывы наших зениток становились все ближе и ближе. Так как звуки сирены не прекращались, директор, посоветовавшись с учителями, принял решение потихоньку отпускать по пять детей из бомбоубежища. Задача детей была сложная: им нужно было незаметно выйти из укрытия и пройти домой. Последнюю пятерку детей выпустили, когда уже было темно. Тревога прекратилась, и учителя стали тоже собираться по домам. Некоторые учителя жили далеко, и им пришлось остаться в школе, в отдельно отведенной для таких случаев комнате. Двух учителей я взяла с собой домой. Как только мы добрались до нашего дома, началась новая тревога. Мы едва успели подняться на третий этаж. Раздался громкий звук разрыва бомбы. Школа была разрушена в эту ночь. На месте школьного бомбоубежища остались только груды кирпичей. А вторая половина здания держалась буквально на «нитках» проводов и труб. В школе, в своём кабинете, оставался ночевать физик Александр Васильевич. Его вынули из завалов здания целым и невредимым. А вот в квартире дворника живых не было. Солдаты НПВО не нашли даже тел оставшихся на ночлег учителей, а только их части. Мы с коллегами собрали эти части и похоронили на Охтинском кладбище. В этот день погибли три учителя: **Анна Петровна** (учитель истории), **Антонина Васильевна** (учитель географии), **Ольга Федосеевна** (учитель пения).

18 января 1943 года

Всю ночь были слышны разрывы снарядов. Я никак не могла заснуть. Пришла только к началу урока. Меня встретили радостные ученики со словами: «Надежда Васильевна, МЫ прорвали кольцо». От радости у меня подкосились ноги, я села прямо на пол и расплакалась...

9 мая 1945 года

Люди вышли на Дворцовую площадь, плакали, смеялись, обнимались. Это был Великий День, который я никогда не забуду. Я думаю, что победа над фашистами была одержана не только потому, что сражалась наша армия, но и потому, что наши люди никогда не теряли веру в свой город, в свой героический народ, в свою великую Родину.

Вместо послесловия

Сейчас уже ночь. Я все еще сижу рядом с бабушкой Надей, в глазах которой стоят слезы. Текут слёзы и по моим щекам... Мы молчим... А в голове у меня одна только мысль: «Бабушка, бабулечка, дорогая моя, поживи ещё хоть немного, порадуйся той счастливой жизни, которую ты точно заслужила, отвоевала у смерти во время блокады! А я обязательно расскажу о твоей жизни всем-всем, чтобы помнили...»